

Николай Добролюбов

Исторический рассказ о литовском дворянстве

Николай Александрович Добролюбов

Исторический рассказ о литовском дворянстве

«Г-ну коллежскому советнику захотелось поведать миру, откуда идет славный род Порай-Кошицов, к коему принадлежит оный коллежский советник. Плодом этого скромного желания был «Исторический рассказ о литовском дворянстве». Любознательный читатель плачевно ошибся бы, если бы подумал, что в книжке коллежского советника Порай-Кошица в самом деле можно найти историю дворянства литовского. Почти вся книга наполнена подробнейшими исследованиями о гербах и о дворянском роде Порай-Кошицов. История же литовского дворянства занимает не много страниц, – но зато каких страниц! Боже, каких страниц! Таких страниц не было, вероятно, даже и в тех историях, которые рассказывал Вральман Митрофанушке Простакову...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0011

**Николай Александрович
Добролюбов
Исторический рассказ о
литовском дворянстве**

Соч. коллежского советника Порай-Кошица. СПб., 1858

Г-ну коллежскому советнику захотелось поведать миру, откуда идет славный род Порай-Кошицов, к которому принадлежит оный коллежский советник. Плодом этого скромного желания был «Исторический рассказ о литовском дворянстве». Любознательный читатель плачевно ошибся бы, если бы подумал, что в книжке коллежского советника Порай-Кошица в самом деле можно найти историю дворянства литовского. Почти вся книга наполнена подробнейшими исследованиями о гербах и о дворянском роде Порай-Кошицов. История же литовского дворянства занимает не много страниц, — но зато каких страниц! Боже, каких страниц! Таких страниц не было, вероятно, даже и в тех историях, которые рассказывал Вральман Митрофанушке Простакову. Г-н коллежский советник беспрестанно ссылается на учебник г. Устрялова, на «Россию» Фаддея Булгарина, на брошюрку г. Борищевского «Православие и русская народность в Литве», на книжечки гг. Павлицева, Зубрицкого, Шипова, на какие-то переводы с немецкого языка гг. Мальгина и Лебедева и т. п. Соединения таких источников было б

уже вполне достаточно для того, чтобы произвести сумбур неслыханный. Но г. коллежскому советнику показалось мало этого: он принялся *давать свою редакцию* всем источникам, которыми пользовался. В образец того, как он пользовался источниками, приведем один пример, который отчасти может дать понятие и о высоком стиле г. Ивана Порай-Козица. Вот как изъясняется он о высокой важности боярского сана: «Оставаясь высшею наградою, которой удостаивался в то время от государя служилый человек, оно жаловалось немногим за особенные заслуги и *пользовалось в народе таким всеобщим почетом, что даже князя племени Рюрика и Владимира Св. гордились достоинством боярским, этою первою, высшею степенью в ряду государственных, знатных сановников*». Ссылка на Карамзина, том VI, гл. 7. Посмотрим. Вот слова Карамзина: «Иоанн III заставил благоговеть пред собою вельмож и народ. Князя племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и *славились титлом бояр, дворецких, окольных* (что случилось с вашим боярским почетом, г.

коллежский советник!), когда знаменитою долговременною службою приобрели оное...» Так обращается с источниками г. Порай-Кошиц, и потому вовсе не удивительно, что в его «Рассказе» находятся изумительные факты, подобные, например, следующему: *Гедимин старался упрочить в Литве три главные условия русского быта: а) веру православную, б) язык и в) внутреннее управление.* И тут же – ссылка на г. Устрялова. Что прикажете делать с таким исследователем. Неужто не нашел ни на кого лучше и сослаться-то? Что нужно толковать критике с коллежским советником, пишущим историю литовского дворянства и не знающим, что Гедимину было не до православия и не до упрочения в Литве русского управления (в то время вовсе незавидного), а что у него была совсем другая забота: соединить своих, рассеянных по лесам и болотам, литвинов в одну крепкую массу в главнейших пунктах государства, для чего он и устроил столицы в трех местах, строил крепости и дрался с соседями.

С какой точки зрения можно убеждать г. Порай-Кошица в нелепости приводимых им

явлений, когда он не знает даже того обстоятельства, упоминаемого даже Карамзиным и разъясненного Нарбутом,[1] что Гедимин желал принять католическую веру и посылал за этим посольство к папе Иоанну XXII, и только вмешательство немцев помешало осуществиться его желаниям... Какими средствами можно вразумить г. коллежского советника, который никак не может воспротивиться наущениям г. Устрялова и, поверив ему на слово, вступление на польский престол Ягелла считает просто *несчастливым* и даже *случайностью*... (стр. 20). Вообще г. Иван Порай-Кошиц что-то недолюбливает Ягелла Ольгердовича, как будто личного врага, если не своего, то, вероятно, своего прапрадедушки, тоже Ивана Кошица. Сами посудите, какого же беспристрастия ждать от человека, который называет *несчастной случайностью* законный исторический факт.

Что же касается до исследований г. Ивана Порай-Кошица собственно о роде Кошицов, то они, может быть, очень хороши и основательны, но нельзя не сказать, что они ужасно уж подробны и скучны. Едва ли кто-нибудь

даже из породы Кошицов, самый ревностный поклонник своего герба, будет иметь настолько терпения, чтобы прочесть это исследование до конца. Во всем исследовании нам понравились только некоторые правила из «Русской грамматики» г. Греча, касательно правописания фамилии Кошиц (стр. 114)...

Понравился нам также слог г. коллежского советника. Представляем один пример из окончания предисловия (стр. XII):

Цель задуманного предприятия была одна. Совершив первую половину жизни человеческой (здесь г. коллежский советник напоминает нам Данта) и склоняясь уже к закату дней своих, я предположил принести этим письменным трудом хоть малую, но усердную дань почтительного внимания и искренней признательности к отшедшим в вечность моим предкам за то, что они, служа отечеству с честью, трудами и заслугами своими не только облагородили самих себя, но вместе с тем и отдаленное свое потомство, – принести это личное мое чувство в сокровищницу семейных воспоминаний о былом – на память единокровным мо-

*им современникам, на память новым
грядущим их поколениям, пока прови-
дению угодно будет продлить земное
поприще их существования.*

Мы в решительном восхищении от этой тирады и рекомендуем всякому, кто захочет написать поздравительный адрес или другое приветственное сочинение для нужного лица, выучить наизусть некоторые страницы г. Ивана Порай-Кошица, коллежского советника, облагороженного трудами и заслугами своих предков.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1858, № 12, отд. II, стр. 242–244, без подписи. Сохранилась рукопись рецензии (ГПБ); различий с опубликованным текстом в ней не содержится.

Как видно из рукописи, рецензия явилась результатом переработки отзыва, написанного бывшим товарищем Добролюбова по Главному педагогическому институту Б. И. Сциборским (см. воспоминания Сциборского о Добролюбове в письме к Чернышевскому от 10 февраля 1862 года – ЛН, т. 25–26, стр. 300–314).

Для характеристики переработки первоначальной рецензии приводим текст начала рукописи Сциборского (он зачеркнут Добролюбовым, но легко поддается прочтению).

«Если бы г. коллежскому советнику для удовлетворения своему авторскому самолюбию захотелось только слышать чье-нибудь мнение о своем творении, то в таком случае ему не остается ничего более делать, как отправиться в лес, где звучание эхо даст ему весьма лестный ответ, повторив за ним всю

его ученую премудрость, в литературе же подобные брошюры обыкновенно оставляются без всякого ответа. Но крайняя недобросовестность автора брошюры в отношении к публике заставляет сказать о его труде несколько слов. Трудно решить, по каким побуждениям – ради спекуляции или из каких-нибудь других, может быть, более честолюбивых видов, автор решился просто на бессовестный обман, какой можно встречать только на толкучем рынке; покупателю, положим, сочинений г. Тургенева предлагают книгу, в которой только несколько страниц принадлежат этому писателю, а прочее – подобранные листы сочинений Ф. Булгарина, или «Чтения о словесности» Ив. Давыдова, или какой-нибудь другой хлам. Точно такой же системе надувательства следует и автор рассматриваемой брошюры» (ГПБ).

Добролюбов по-иному построил оценку книги: средствами иронии, острой насмешки он вскрыл невежество и чванство автора, восхвалявшего дворянство. Из рецензии Сциборского сохранены в тексте лишь немногие фразы, содержащие фактические сведения. Руко-

пись Сциборского заканчивалась словами: «Грустное явление в литературе подобные книжонки». Добролюбов закончил рецензию цитатой из книги Порай-Кошица, сопроводив ее едкой характеристикой стиля сочинения. Текст Добролюбова написан на полях и между строками рецензии Сциборского; концовка написана на обороте последней страницы.

Комментарии

Имеется в виду труд историка Литвы Т. Нарбута «Dzieje starozytne narodu litewskiego» («Древняя история литовского народа», 9 томов, Вильно, 1835–1841).

[^^^]